

С. Г. Воркачев (Краснодар)

СЛОВО «РОДИНА»:

ЗНАЧИМОСТНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛИНГВОКОНЦЕПТА

В статье обсуждается понятие РОДИНЫ как основной составляющей лингвоконцепта патриотической триады. Автор рассматривает данный концепт как идеологическую сущность, в которой отражается общая иерархия ценностей и предпочтений русского человека, представления общества о самом себе.

The article is focused on the linguocultural concept MOTHERLAND as the central idea within patriotism triad. The concept is regarded as a reflection of general hierarchy of values and preferences of Russian people as well as their idea of the society they live in.

В сознании русского народа, отстоявшего свою страну в двух отечественных войнах, несмотря на его «бродячий дух» – русские поселения можно встретить в Калифорнии и Чили – «отчизнолюбие» (Даль 1998, т. 2: 724) от века занимало место, значимость которого не менялась, называлась ли Россия петровским «Отечеством» или сталинской «Родиной»: *«Два чувства дивно близки нам, / В них обретает сердце пищу: / Любовь к родному пепелищу, / Любовь к отеческим гробам»* (Пушкин). Патриотизм здесь – пока еще не «удел водопроводчиков и людей ниже их по классу» (АиФ 2005, 31).

Ранг любви к родине в *ordo amoris* в широком смысле, отражающем общую иерархию ценностей и предпочтений русского человека – «роль, которую та или иная вещь должна играть в нашей жизни, необходимую степень её важности для нас, её относительный вес, ту силу привязанности, которую мы должны испытывать к ней» (Гильдебранд 1999: 591) – настолько высок, что она чуть ли не входит в *ordo amoris* в узком смысле, включающем любовь к Богу, к ближнему, к родным, друзьям и супругам. По своей лексической сочетаемости имена «родина», «отечество» и «отчизна» заметно отличаются от имен «работа», «прогулки», «закаты», «рассветы» и пр., способных употребляться в позиции прямого дополнения глагола «любить». В то время как в конструкции «любить свою работу/природу/искусство» и пр. предикат «любить» функционирует как интенсив предиката «нравиться» и передает сугубо гедони-

стическую оценку своего объекта, то в конструкции «любить родину/отечество/отчизну» он отправляет скорее к разновидности если не межличностного, то уж вполне определенно личностного чувства. Нет *чувства работы/природы/искусства, но есть чувство родины, «святей и чище» которого «людям никогда не обрести» (Фирсов); как с близким и любимым существом с родиной разлучаются (см.: Зализняк-Левонтина 2005: 231), по ней тоскуют, ей изменяют. Можно даже допустить, что, если бы в русском языке имя родины было бы мужского рода, то в прямообъектной позиции оно принимало бы форму родительного падежа: «Мы любим своего *Родина». С другой стороны, персонализация родины носит уже практически языковой характер – «Родина-мать» для говорящих по-русски уже как бы и не метафора, а реалья, в языке уже вполне допустимы и такие этимологически катахрезные сочетания, как «мать/матушка-отчизна» (*отчизна* – заимствованно в XVI в. из польского языка, где *ojczyzna* – суффиксальное производное от *ojciec* «отец» – Шанский-Боброва 2000: 220): «Мать-отчизна! Дойду до могилы, / Не дождавшись свободы твоей!» (Некрасов); «Вижу всюду трепет жизни, / Где ни брошу только взор... / Это – *матушки-отчизны* / Нескончаемый простор» (Савинов). Совершенно естественно в языке обращение к родине как к живому и разумному существу, от которого можно ждать адекватной речевой реакции: «За каплю крови, общую с народом, / Прости меня, о *родина!* Прости!» (Некрасов); «*Родина-мать!* По равнинам твоим / Я не езжал еще с чувством таким!» (Некрасов); «Всю жизнь я, / *Отчизна*, боялся / В надеждах / Тебя обмануть» (Федоров).

В синонимическом ряду единиц, передающих в современном языке идею родной страны – «родина», «отечество», «отчизна», место лексической доминанты, безусловно, занимает лексема «родина» как наиболее многозначная и наиболее частотная единица этого ряда (только она входит в число 5000 наиболее употребительных слов русского языка с рангом 1276 при ранге 5869 у «отечества» и 18334 у «отчизны» – *Шаров). По данным РАС, число реакций на слово-стимул «родина» (205) в два раза превышает число реакций на стимулы «отчизна» (105) и «отечество» (103), причем почти треть этих реакций (65) представлено словом «мать» (РАС 2002, т. 1: 420, 428, 558). Она связана с обоими основными глубинными культурными

архетипами патриотического сознания: архетипом рода и архетипом матери-земли (см.: Телия 2001: 410). Лексема «родина», как никакая другая единица этого синонимического ряда, используется в названиях литературных произведений, общественных организаций, построек и артефактов. Она же, обладая наибольшей несвободной сочетаемостью и прецедентностью, входит в состав многочисленных фразеологизмов, образующих фонд фоновых знаний носителей русского языка: «крылья Родины», «закрома Родины», «стоять на страже Родины», «Есть такая профессия – Родину защищать», «Родина вас не забудет», «Они сражались за Родину», «Я научу вас Родину любить!», «Родина-мать зовет!» и пр.

Семантическая реалья, имя которой – «РОДИНА», по всем признакам (см.: Воркачев 2005: 77) соответствует лингвокультурному концепту: обладает высокой номинативной плотностью, переживается эмоционально при попадании в фокус сознания, и её имя включено в сеть ассоциативных связей, сложившихся в лексической системе языка.

Может быть, прежде всего, лингвокультурный концепт «РОДИНА» – сущность идеологическая в том смысле, что в нем отражаются представления общества (или его части) о самом этом обществе и о его идеальном устройстве. Можно сказать также, что этот концепт латентно этнонимичен: в нем в «свернутом» виде присутствуют взгляды этноса на самого себя как на носителя определенной культуры и оценка собственного «национального характера».

Семантически, подобно концепту «счастье», он «гибриден»: содержит денотатную, дейктическую часть, позволяющую соотносить его с хронотопом определенной страны и определенного государства, и оценочно-эмоциональную часть, собственно и составляющую его специфику. Родина – это как раз то, что остается от страны, когда из неё «вычитаются» география и политическое устройство: нечто «необъяснимое, что люди и любят больше всего другого» (АиФ 2005, № 42).

Подобно гегелевской «сове Минервы», сова (или какая-то иная символическая птица) лингвоконцептологии так же «начинает свой полет лишь с наступлением сумерек», когда «некая форма жизни стала старой» (Гегель 1990: 55) – когда семантика базовых ценностей культуры теряет свою определенность и начинает дезинтегрироваться. Интерес к составля-

ющим синонимического ряда «родина», «отчизна» и «отечество» возник не сегодня: еще академик В. В. Виноградов тогда, когда никто из жителей державы и усомниться не мог в ценности и праве на существование патриотизма, уже обратил внимание на употребление этих лексем (см.: Виноградов 1959: 221). Объектом же особого внимания «концепт *Patria*» (В. Н. Телия) в русском языке становится где-то с начала 90-х годов прошлого века – со времени распада СССР и становления лингвокультурологии (см.: Степанов 1997: 510–519; Телия 1997; 1999; 2001; Тер-Минасова 2000: 176–187; Сандомирская 2001; Wierzbicka 1995).

Еще до недавних пор патриотическая идея в национальном сознании была культовой: не было такой жертвы, которую можно было бы не принести на «алтарь Отечества»; на протяжении почти семи десятилетий слово «бог» писалось с маленькой буквы, а слово «Родина» с большой. Однако, с разделением общества на «патриотов» и «демократов», «националистов» и «предателей» (см.: Тер-Минасова 2000: 180) Отечество отделилось от Родины: первое стало ассоциироваться с Россией, «верой и царем» («За веру, царя и Отечество»), вторая – с СССР и Сталиным («За Родину, за Сталина»).

В патриотической триаде «родина, отечество, отчизна» особенно «не повезло» лексеме «родина» в значении «родина» (Телия 1997: 77) – «родная страна» (Ожегов 1953: 628), которая лишь одна получает такие уничижительные реакции-ассоциаты, как «гадина», «глупа», «тюрьма» (см.: РАС 2002, т. 1: 558).

В современных «неангажированных» масс-медиа и в анонимных афоризмах «интернет-трафика» она практически табуируется либо же появляется преимущественно в иронических, «стёбовых» контекстах: «Вот так пенсионер. 40 лет «отпугурмававший» на благо советской *родины*, и девочка-подросток, окруженная благами новой цивилизации, как-то оказались не к месту в этом мире» (АиФ 2005, № 40); «Пришлось «под мухой» выходить на ринг и жалить как пчела... Чего ради матери-*Родины* наши спортсмены только не делают!» (АиФ 2005, № 41); «Итого, по самым скромным подсчетам, в 2006 г. любовь к *Родине* обойдется российским налогоплательщикам в 110 млн. долларов» (АиФ 2005, № 47); «В закрытых *Родины* найдено пропавшее золото партии» («Комсомоль-

ская правда» 29.12.2006); «В чём мать родила, в том *родина*-мать и оставила»; «Где пиво – там и *родина*»; «Желающим отдать жизнь за *родину* иметь при себе заявление, две фотографии 3x4 и один патрон»; «Настоящий патриот не ищет выгоды от продажи *Родины*» (<http://www.perlodrom.ru/motherland>); «Они (богатые люди – С. В.) знают, куда возвращаются. – Правильно. Это – *Родина*, все равно ограбит» (НТВ 18.12.2005); «Скажите, а переселять соотечественников в Сибирь будут под девизом “Добро пожаловать” или “За измену *Родине*”?» (АиФ 2004, №51). Справедливости ради можно заметить, что кое-что здесь «перепадает» Отчизне и Отечеству: слова песни «Прощайте, скалистые горы, / На подвиг *Отчизна* зовет» (Букин) сопровождают видеоряд побега российского браконьерского судна от норвежской рыбоохраны (ОРТ «Однако»); «Может быть, нам стоит принять одну суперцелевую программу по поиску и выращиванию нормальных мужчин, которые и *Отечество* могли бы спасти, и женщин удовлетворить, и рождаемость поднять?» (АиФ, 2005, № 50).

В «устном народном творчестве» – анекдотах – она чуть ли не витуперизуется, превращаясь в бранное слово: «Штирлиц склонился над картой. Его неудержимо рвало на *Родину*»; «Два червяка – червяк-мама и червяк-сынок – выползают из кучи дерьма на свет божий. – «Мама, что это такое желтое и яркое?», – спрашивает сынок. – «Это солнышко, сыночек», – отвечает червяк-мама. – «А что это такое голубое и красивое», – спрашивает сынок. – «Это небо, сыночек», – отвечает червяк-мама. – «А что это такое зеленое и высокое?», – спрашивает сынок. – «Это дерево, сыночек», – отвечает червяк-мама. – «А что это такое коричневое и вонючее», – спрашивает сынок. – «Это дерьмо, сыночек», – отвечает червяк-мама. – «А почему же мы живем в дерьме?», – спрашивает сынок. – «Это наша *Родина*, а *Родину* не выбирают, сыночек», – отвечает червяк-мама. Как тут не вспомнить бунинские строки: «Они глумятся над тобою, / Они, о родина, корят / Тебя твоею простотою, / Убогим видом черных хат...»

В официальных же речах «по случаю» и в рекламе культурный смысл лексемы «родина» выхолащивается, она употребляется скорее «для красного словца» – «используется в целях *promotion* при организации политических кампаний самого разного толка» (Сандомирская 2001: 232), подобно свечке в ру-

ке вчерашнего партийного функционера: «Есть такая работа – *Родину* освещать», – заявил на торжественной церемонии пуска четвертого гидроагрегата Бурейской ГЭС глава РАО ЕЭС Анатолий Чубайс» (АиФ 2005, № 45); «Я почувствовал не умом, я почувствовал здесь сердцем, что такое любовь к *Родине*» (мэр-«варяг» В. Шанцев на открытии памятника Минину и Пожарскому в Нижнем Новгороде – НТВ, «Новости», 04.11.05); «Эльдорадо – *Родина* низких цен». Стало уже возможным на британский манер вместо родины говорить «эта страна». Можно, однако, отметить, что слово «Родина» и поныне абсолютно не смущает русскую православную церковь: «Безнравственный человек не может любить свою *Родину*, ему все равно где жить, лишь бы было сытно и спокойно» (Владыка Зосима: «Если брать от жизни все, другим не достанется» // АиФ 2006, №50: 32).

Естественно, в неизменно «советском виде» слово «Родина» воспроизводится в «патриотической прессе», в частности в письмах ветеранов в газету «Советская Россия», где передает их «фантомные боли» по утраченной державе: «Еще раз спасите свою *Родину*, помогите своим детям, внукам и правнукам вновь обрести святыню свою, истерзанную нелюдьми *Родину*» (Советская Россия, 2004, № 75). О Родине также вспоминают российские моряки, отсидев несколько лет в нигерийской тюрьме за контрабанду нефти: «*Родина!* Я тебя целую!» (ОРТ «Новости», 15.12.05).

Скепсис по отношению к идее патриотизма в российском обществе («Да кому нужен ваш патриотизм. Еще древние римляне говорили: “Отечество повсюду, где хорошо”» – АиФ, 2005, № 41), возник не вдруг и не на пустом месте. Он, естественно, имеет свои геополитические, исторические и психологические основания, самое наблюдаемое из которых – распад Советского союза, завершивший дезинтеграцию Российской империи и приведший к тому, что в одночасье миллионы этнических русских, тех, кто «рожден в Советском Союзе» и «сделан в СССР» (Газманов), стали апатридами – людьми без родины по определению, если родина это – «страна, в которой человек родился и гражданином которой является» (СРЯ 1982, т. 2: 723).

Не последнюю роль здесь, видимо, сыграла и психологическая усталость «Отечества сынов» от многовековой и безжалостной эксплуатации патриотической идеи российским, а за-

тем советским государством, превратившим долг Родине в разновидность первородного греха, от которого невозможно избавиться: «И где бы ни жил я, / И что бы ни делал, – / *Пред Родиной вечно в долгу*» (Лисянский). И «система нищель», сложившаяся во взаимоотношениях граждан со своим государством, заставляющая первых всегда смотреть с опаской на действия последнего: «Дай бог, чтобы твоя страна / тебя не пнула сапожищем» (Евтушенко). И особенности нашей «новейшей истории», давшие миру людей без «малой родины»: детей спецпоселенцев, родившихся в «местах не столь отдаленных», «отеческие могилы» которых бульдозером сравнивали с землей вместе со «спецкладбищами».

Все это, безусловно, способствовало «отделению родины от государства» («Я так люблю свою страну... И ненавижу государство» – «Lumen»), тем более что в русском языке уже запечатлена модель разделения моральных и институциональных категорий: правда у нас отлична от правосудия, а закон от совести.

Конечно, в русском менталитете «если бьёт, значит – любит», а «в любви тот сильнее, кто меньше любит» (Чехов), однако сегодняшняя действительность окончательно открыла глаза на тот, в общем-то достаточно очевидный факт, что любовь к Родине – это, в принципе, «любовь, которая никогда не бывает взаимной» (<http://www.perlodrom.ru/motherland>), поскольку её объектом выступает абстракция.

Однако решающим фактором «деконструкции Родины» (Сандомирская 2001: 49), как представляется, выступает утрата нацией веры в совместное «славное будущее», веры, благодаря которой «мы готовы в любой момент к отражению нападения на нашу родину» (Ортега-и-Гассет 1991: 209). Только 30% жителей страны хотят назвать своей Родиной Россию, большинство же считают, что их родина только там, где они родились и росли (см.: АиФ 2005, № 39: 4). «Русская идея – абсолютная монархия при абсолютной анархии» (АиФ 2005, №47), «накопительство и индивидуализм» (АиФ 2005, №46) вряд ли могут составить «совместное будущее» (да еще «славное») для жителей некогда великой державы. Поэтому, очевидно, с таким скрипом и перелицовывается «гимнастерка Сталина в патриотический кафтан» (АиФ 2005, №45) и не те-

ряет свою злободневность отнюдь не риторический вопрос о том, «что же будет с Родиной и с нами?» (Шевчук).

В русской лексикографии у имени «патриотической триады» выделяются два основных значения: 1) родина как родная страна – «Родина», «большая родина», родина₂; и 2) родина как место рождения – «малая родина», родина₁ (см.: Ожегов 1953: 628; Ушаков 2000: 1369; СРЯ 1982, т.2: 723; БТСРЯ 1998: 1125). Этимологически значение «родина₁» первично (ср.: укр. *родина*, блр. *родзіна*, слвц. *rodina*, польск. *rodzina* = «семья») и выступает основой для последующего метафорического переноса на страну гражданства – отечество. В значении «родная страна» слово «родина» впервые встречается у Гаврилы Державина в конце XVIII века (см.: Фасмер 2003: 491).

«С чего начинается Родина?» (Матусовский) – задается вопросом поэт. Вопрос этот скорее риторический, поскольку ответ на него очевиден. В формировании концепта «РОДИНА» метафора «родного дома» представляется базовой, корневой: она воспроизводится в этимологии «отечества» и «отчизны» (см.: Черных 1999, т. 1: 611). Родина начинается с родного дома и домочадцев, откуда ощущение родственной близости переносится сначала на родной край/сторону и земляков, а затем и на родную страну и соотечественников, превращаясь в своего рода духовную связь (см.: Сандомирская 2001: 29), через которую «открывается сущность русского человека» (Степанов 1997: 519). Русскому человеку сейчас значительно труднее ответить на вопрос, где Родина заканчивается и где её границы. Здесь, кстати, можно отметить, что в ответах современных молодых (до 30 лет) людей на вопрос «Что такое родина?» значение «родная страна» уже практически отсутствует.

Исторически, лексемы «патриотической триады» меняются местами и ведут своеобразный «хоровод»: как уже отмечалось, «родина» в значении «родной страны» появилась где-то в конце XVIII-го века, «отечество» и «отчизна» в значении «место возникновения чего-либо» употреблялись еще в XIX веке (Евгеньева 2001, т. 2: 380), опросы современных молодых (до 30 лет) носителей русского языка, как также уже отмечалось, указывают на исчезновение у лексемы «родина» её первого словарного значения – теперь это только «место рождения, происхождения кого-нибудь». Из ответов тех же респондентов становится ясным, что родина для них – место рождения, которое нуж-

но любить, отечество – государство, которому нужно служить, а отчизна – страна, которую нужно (доблестно) защищать.

В то же самое время «патриотизм» и «любовь к родине», при всей своей синонимичности, в понимании носителей русского языка все-таки разводятся: за первым признается скорее «любовь к Отечеству» как к государственному институту, которую можно воспитать целенаправленными пропагандистскими усилиями, за второй, несмотря на обилие «любовных признаний», остаются лиричность, интимность, «камерность» и «врожденность» – «любовь к родине» невозможно «привить» искусственно – она либо есть, либо её нет. Может быть, отсюда несколько настороженное отношение к патриотизму, который может быть показным и в котором можно переусердствовать (ср.: ура-патриотизм, казенный и квасной патриотизм), может быть, отсюда едкое замечание М. Е. Салтыкова-Щедрина: «Многие склонны путать понятия: “Отечество” и “Ваши превосходительство”».

Лингвоспецифичность «родины» подчеркивается также существованием в языке её однословного антонима – «чужбины» («чужой, чуждой, чуждедальней страны/сторонь»), не имеющего, очевидно, адекватных аналогов в современных европейских языках: «После же веселья *чужбины*, / Радостей суши и моря – / Дайте родной мне кручины! / Дайте родимого горя!» (Бенедиктов); «Все те же мы: нам целый мир *чужбина*; / Отечество нам Царское село» (Пушкин); «Расставаясь она говорила: / “Не забудь ты меня на *чужбине*”» (Дальская); «Не повторяй мне имя той, / Которой память – мука жизни, / Как на *чужбине* песнь отчизны, / Изгнаннику земли родной» (Давыдов). «Сон русского на *чужбине*» (Глинка) – такая же повторяющаяся тема русской поэзии, как и тоска по родине.

И, наконец, сугубо русской предстает словообразовательная связь «родины» с прилагательным «родной» в значении «свой по рождению, по духу, по привычкам» (см.: Ожегов 1953: 628; Ушаков 2000, т. 3: 1372), выступающим в роли универсального детерминанта предметов «ближнего круга» русского человека – родной дом, родная земля, родной человек, родная страна и пр. (см.: Зализняк-Левонтина 2005: 239-246).

Все это дает вполне определенные основания считать, что концепт «РОДИНА» этноспецифичен, «идиоматичен» и непередаваем на другие языки полностью даже при наличии в по-

следних переводческих аналогов (см.: Сандомирская 2001: 16, 23).

ЛИТЕРАТУРА

1. БТСРЯ – Большой толковый словарь русского языка. – СПб., 1998.
2. Виноградов В.В. О языке художественной литературы. – М., 1959.
3. Воркачев С. Г. Лингвоконцептология и межкультурная коммуникация: истоки и цели // Филологические науки. – 2005. – № 4. – С.76–83.
4. Гегель. Г. В. Философия права. – М., 1990.
5. Гильдебранд Д. фон. Метафизика любви. – СПб, 1999.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х тт. – Т. 1. – СПб., 1998.
7. Евгеньева А. П. Словарь синонимов русского языка: В 2 тт. – М., 2001.
8. Зализняк Анна А., Левонтина И. Б., Шмелев А. Д. Ключевые идеи русской языковой картины мира. – М., 2005.
9. Ожегов С. И. Словарь русского языка. – М., 1953.
10. Ортега-и-Гассет Х. «Дегуманизация искусства» и другие работы. Эссе о литературе и искусстве. Сборник. – М., 1991.
11. РАС 2002 – Русский ассоциативный словарь. – Т. 1. – М., 2002.
12. Сандомирская И. Книга о родине: Опыт анализа дискурсивных практик. – Wien, 2001.
13. СРЯ – Словарь русского языка: В 4-х тт. – М., 1981.
14. Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М., 1997.
15. Телия В. Н. Наименование РОДИНА₁ как часть социального концепта «Patria» в русском языке // Языковая категоризация. Материалы круглого стола, посвященного юбилею Е. С. Кубряковой по тематике её исследования. – М., 1997. – С. 77–79.
16. Телия В. Н. Концептообразующая флуктуация константы «родная земля» в наименовании *родина* // Язык и культуры: Факты и ценности: К 70-летию Юрия Сергеевича Степанова. – М., 2001. – С. 409–418.
17. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М., 2000.
18. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка: В 4-х тт. – М., 2000.
19. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 тт. – М., 2003.
20. Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х тт. – М., 1999.

21. Шанский Н. М., Боброва Т. А. Школьный этимологический словарь русского языка: Происхождение слов. – М., 2000.
22. Шаров С. А. Частотный словарь русского языка. Российский НИИ искусственного интеллекта (электронная версия).
23. Wierzbicka A. Lexicon as a Key to History, Culture and Society: 'Homeland' and 'Fatherland' in German, Polish, and Russian // Current Approaches to the Lexicon: A Selection of Papers Presented at the 18th LAUD Symposium, Duisburg, March 1993. – Frankfurt a. M., 1995. – Pp.103–155.

Получено 03.04.2006 Кубанский государственный технологический университет

Воркачев, Сергей Григорьевич – доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой иностранных языков Кубанского государственного технологического университета; svork@kubstu.ru.